

же приписывая Богу всевѣдѣніе, или низводитъ Христа на степень легендарнаго и сожалѣетъ объ упадкѣ какого-то истинно христіанскаго духа. И это потому, что вселившійся въ г. Толстого злобный духъ нехочетъ сказать прямо, что: хотя Христосъ и дѣйствительно есть Сынъ Божій и Спаситель міра, но я ненавижу его, чего и всѣмъ людямъ желаю, а хочетъ домогаться отрицанія Христа, и хочетъ усилить пропаганду такого отрицанія, путемъ болѣе широкаго распространенія легендъ повсемѣстно не только въ глуши, такъ какъ легенда, будучи произволомъ и понятнымъ каждому вымысломъ, сама уже собою отрицаетъ бытіе Бога, Христа и всего того, что не есть легендарность, а фактъ. Но не получивши мудрости отъ Бога, духъ г. Толстого путается и высказываетъ свои желанія противорѣчиво и не резонно.

Терминъ христіанства г. Толстой употребляетъ очень часто, а отзывается о немъ то въ духѣ порицанія если касается истиннаго церковнаго ученія, то въ духѣ хвалебномъ если касается свободной легендарности народной. Самаго же Христа онъ только отрицаетъ въ Его Богочеловѣчествѣ, очевидно низводя такимъ образомъ Христа на степень простого человѣка, забывая что слово Христосъ значитъ посланникъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Этотъ посланникъ обѣщанъ Богомъ чрезъ пророковъ и кто подобно г. Толстому увертывается отъ признанія и Бога и Христа Его, въ иномъ видѣ кромѣ легендарности, то для такого господина казалось бы не существуетъ и самаго выраженія: Христосъ, или признаю истиннымъ христіанствомъ, но г. Толстой, имѣя въ виду ожидаемую имъ своевольную религіозную мудрость всего міра (широкая унія) запасается терминомъ христіанства